

Лицо культурной национальности

Дэвид Левин в петербургском Музее Владимира Набокова

Коммерсантъ. — 2005. — 10 февр. — с. 22

ВЫСТАВКА шаржи

В Петербурге в Музее Владимира Набокова открылась выставка шаржей Дэвида Левина — известного американского карикатуриста, многолетнего сотрудника *The New York Review of Books*. Малосимпатичные лица мастеров мировой культуры рассматривала АННА ТОЛСТОВА.

Уверенная линия, четкий штрих, огромная башка на тщедушном тельце — вот и вышел человек. Вернее, человечиче, потому что герои Дэвида Левина, как правило, великие. Что вполне естественно: бессменный шаржист *The New York Review of Books*, Левин рисовал богатых и знаменитых также для *Time*, *Playboy*, *Newsweek*, *Esquire*, *The Nation* и *New Yorker*, а там по мелочам не размениваются. В конце концов и сам стал богатым и знаменитым: к биографии неизменно прилагается

На карикатурах Дэвида Левина не сразу распознаешь столпов мировой культуры (Вацлав Нижинский) ФОТО МИХАИЛА РАЗУВАЕВА

длиннющий список наград (в том числе орден Почетного легиона) и счастливых обладателей

левиновских рисунков (в том числе Метрополитен-музей). Левину сейчас под восемьдесят,

пятьдесят из них он рисует шаржи. В итоге получилось что-то порядка двух с половиной тысяч работ. Три десятка, 1960–1980-х годов, художник сам отобрал для своей первой выставки в России — в набоковском музее.

Амплитуда широка — от Рембрандта ван Рейна до Фреда Астера, паноптикум узнаваемых без всякой подписи «селебритиз» от мировой художественной культуры, будто со всеми художник был на короткой ноге. Авторский отбор налицо: половина героев — русские, половина из них — писатели. Старец-мизантроп с бульдожьей физиономией — Достоевский. Сумасшедший пророк, заросший бородой по самые глаза, — Толстой. Брюзга-интеллигент в пенсне и шляпе — Чехов. Богемная цыганка с гордым профилем попугая — Анна Ахматова. Лихой парень в папахе на лошади, уткнувшейся

мордой в пищущую машинку, — Бабель. Галерея русских писателей выглядит так, как будто это иллюстрации к истории русской литературы, написанной задиристым биографом Чернышевского из набоковского «Дара». Хотя, может, именно такие образы и оставались в головах среднестатистического американского студента после курса русской литературы, читанного самим Владимиром Владимировичем. В общем, человек национал-патриотических убеждений сразу определит: вот они — западные истоки таких клеветнических, порочащих российскую духовность произведений, как «Голубое сало».

Впрочем, никто не собирался задевать национальную гордость великороссов. «Своих» Дэвид Левин тоже не щадит: один лошадиный оскал здоровяка Хемингуэя стоит бороды Толстого и профи-

ля Ахматовой вместе взятых. Просто это такой быстрый способ конвертировать культурных богов в поп-идолов: характерная черта — лица или биографии — и готова иконка. Пруст в постели с чашечкой чая — разумеется, в воспоминаниях о пирожном мадлен. Джексон Поллок с сигаретой в зубах, всем корпусом отвернувшийся от зрителя, — надо полагать, справляет нужду прямо в камин в гостиной Пэгги Гугенхайм. Грубо говоря, все это не так уж сильно отличается от советских карикатур на абстракционистов из «Крокодила» хрущевских времен, только пафос другой: вместо разоблачения — панибратский юмор для в меру образованной публики. Но хоть пафос и другой — принцип заказа по большому счету тот же. А социальный это заказ или политический — с точки зрения вечности не так уж важно.